

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511.131'28

Л. Л. Карпова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ НИЖНЕЧЕПЕЦКОГО ДИАЛЕКТА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению специфики нижнечепецкого диалекта, который формировался в условиях изолированности от основного ареала распространения удмуртских диалектов. Для удмуртской диалектологии актуально выявление основы и места данной территориально-языковой разновидности в северном диалектном пространстве удмуртского языка. Осуществляется анализ морфологических маркеров нижнечепецкого диалекта. Большое внимание уделяется описанию особенностей, отличающих исследуемый диалект от других говоров севернудмуртского ареала. Рассматриваются специфические черты в образовании форм мн. ч. имени существительного, в частности, в использовании маркеров *-ос* и *-йос*, употребление которых не представляет единства в говорах нижнечепецкого диалекта. Выявляются особенности в количественном составе падежей. Анализируется функционирование серии вторичных местных падежей с показателем *-н'*. Специфика нижнечепецких говоров проявляется в способах выражения компаратива и интенсива прилагательных. Освещаются особенности некоторых разрядов местоимений, прослеживающиеся преимущественно в словоизменении. Подробно анализируются также специфические явления в области числительных и глаголов. Большое внимание уделяется формальным морфологическим различиям. Проводится последовательное сравнение языковых фактов нижнечепецких говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров. Приведенные данные показывают, что по ведущим морфологическим особенностям нижнечепецкий диалект наиболее близок среднечепецким говорам севернудмуртского наречия. Исследование основано на материалах, собранных автором в результате нескольких экспедиций 2014–2015 гг. к нижнечепецким удмуртам.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектная морфология, северные диалекты, нижнечепецкий диалект, маркеры морфологических категорий, диалектное варьирование.

Нижнечепецкий диалект является территориальной разновидностью удмуртского языка, распространенной в низовьях р. Чепцы, на территории Слободского, Зуевского, Унинского, Фаленского и Богородского р-нов Кировской обл. Он не был объектом специального синхронного научного исследования. Некоторые

его особенности кратко отражены в статьях Т. И. Тепляшиной [38. С. 156–196], Г. А. Архипова [1. С. 84–92; 2. С. 162–168; 3. С. 3–13], Н. М. Люкиной [27. С. 152–154], обобщающем труде по удмуртской диалектологии В. К. Кельмакова [23], также в научных работах автора настоящей статьи [18. С. 140–147; 19. С. 107–114; 20. С. 17–36].

В последнее время в рамках ареального изучения севернoudмуртских диалектов нами предпринято системное обследование языка удмуртов, населяющих нижнечепецкий регион. С этой целью в 2014–2015 гг. проведены 3 диалектологические экспедиции на территории распространения указанных говоров: в Зуевский, Унинский и Слободской р-ны Кировской обл. В ходе экспедиций собран большой корпус языкового материала, который вводится в научный оборот.

Начиная с сер. XX в., число носителей нижнечепецкого диалекта неуклонно снижается. Сегодня полноценные его носители – немногочисленные представители старшего и пожилого возраста. Все они являются билингвами, свободно владеющими русским языком и использующими его как основной язык повседневного общения, а родной язык используют исключительно в быту. По нашим приблизительным подсчетам, на территории распространения нижнечепецкого диалекта насчитывается примерно 800 удмуртов, из которых менее половины владеют удмуртским языком. Функционирование нижнечепецких говоров в условиях изолированности от основного этнического массива и воздействие окружающих русских говоров сформировали ряд специфических особенностей фонетического, морфологического, лексического и синтаксического характера. Проблема возникновения и развития нижнечепецкого диалекта непосредственно связана с историей его носителей и процессом формирования этнической группы. К сожалению, ее этногенез до сих пор мало исследован.

В пределах нижнечепецкого диалекта принято выделять 2 группы говоров: слободской и косинский (далее в примерах – *сл.*, *кос.* соответственно) [38. С. 157–158; 19. С. 20]. Носители слободского говора живут в 10 населенных пунктах Слободского р-на*. Косинская группа северных удмуртов, по нашим последним данным, проживает в 10 населенных пунктах Зуевского (5 населенных пунктов), Унинского (2 населенных пункта), Фаленского (2 населенных пункта) и Богородского (1 населенный пункт) р-нов.

По характеру ведущих особенностей между собой слободской и косинский говоры близки. Некоторые различия связаны непосредственно с процессом формирования указанных двух локальных групп. По мнению исследователей, косинские удмурты-ватка представляют собой локальную группу слободских удмуртов, переселившихся с Вятки, из-под Слободского [4. С. 67]. Территориальная оторванность привела к ослаблению культурных и экономических связей между слободскими и косинскими удмуртами и способствовала выработке отдельных особенностей в их языках.

Предмет нашего исследования – анализ морфологических признаков, маркирующих язык нижнечепецких удмуртов. Нижнечепецкие говоры (или нижне-

* Согласно данным Т. И. Тепляшиной [38. С. 156–157], в 1960-е гг. в Слободском р-не насчитывалось 27 удмуртских населенных пунктов; в настоящее время многие из них прекратили свое существование.

чепецкий диалект; далее – *нч.*) наиболее характерными языковыми явлениями входят в севернoudмуртское наречие, в пределах которого, помимо нижнечепецкого, выделяется еще два диалекта: среднечепецкий и верхнечепецкий (далее – *сч.*, *вч.* соответственно). Для определения специфики исследуемых говоров в системе севернoudмуртских диалектов фактический материал по возможности интерпретируется в сравнении со среднечепецким и верхнечепецким диалектами.

Грамматический строй удмуртских диалектов, в отличие от фонетической системы, характеризуется значительным единством. Различия в морфологии большей частью проявляются в организации плана выражения одних и тех же грамматических форм или целых парадигм, в самой системе противопоставления друг другу грамматических форм слова (различия в составе парадигм), а также в семантике различных грамматических категорий и форм. Рассмотрим некоторые из них.

1. Мн. ч. имен существительных в нижнечепецком диалекте маркируется показателями *-ос* или *-йос*, употребление которых не представляет единства в говорах диалекта. В слободском говоре, как и в большинстве удмуртских диалектов, алломорф *-ос* обычно присоединяется к основе на гласный, а вариант *-йос* – к основе на финальный согласный: *ад'ами* ‘человек’ – *ад'амиос* ‘люди’, *писпу* ‘дерево’ – *писпуос* ‘деревья’, *н'ук* ‘овраг’ – *н'укйос* ‘овраги’, *кыз* ‘ель’ – *кызйос* ‘ели’ и т. д. В отличие от него, в косинском говоре аффикс *-йос* очень часто наблюдается и в словах с исходом на гласный: *ко'чо* ‘сорока’ – *ко'чойос* ‘сороки’, *бэчкэ* ‘бочка’ – *бэчкэйос* ‘бочки’, *гозы* ‘веревка’ – *гозыйос* ‘веревки’. Примеры: кос. *сокы ад'амийос шыдэтско вал, кэн'айэс кэ гынэ пиосйос усвало вал*. Ок. ‘Тогда **люди** отдыхали, только несколько мужчин боронили’; кос. *мон тотско на, д'эрэвн'айын к'улайос вал шуса*. Сиб. ‘Я помню еще, что в деревне **куала** были’; сл. *куз'оос отын уло, к'д'окын өвёл мынонэз татыс'эн*. Пес. ‘**Хозяева** там живут, недалеко идти отсюда’. Употребление в косинском говоре “консонантного” алломорфа *-йос* с основами на конечный гласный представляет собой сохранение более ранней формы показателя мн. ч. *-йос*, который в результате ослабления позиции *й* в интервокальном положении преобразился в *-ос*. Из севернoudмуртских диалектов эта особенность характерна также для среднечепецкого диалекта [13. С. 82; 14. С. 58–59; 17. С. 39]. В различной степени данное явление отмечается и в отдельных южноудмуртских говорах [23. С. 116].

Отметим, что инициальный *й* форманта *-йос* в рассматриваемом диалекте нередко подвергается фонетической ассимиляции конечным согласным (*н, н', л, л', д, д', т, т', с', з'*) субстантивной основы, например: *пукон'н'ос* (< *пуконйос*) ‘стулья’, *ныл'л'ос* (< *нылйос*) ‘девички, девушки’, *вал'л'ос* (< *валйос*) ‘лошади’, *пыд'д'ос* (< *пыдйос*) ‘ноги’, *полат'т'ос* (< *полатйос*) ‘полати’ и др. Примеры: *вос'эм класоф ко-н'чит' карэмын вал ми, ныл'л'ос, ужам колкозын война вылын*. Ас. ‘Восемь классов закончили мы, **девочки**, работали в колхозе во время войны’; *турун ворттылим волокушайэн, гид'д'осы но ворттылим*. Ом. ‘Сено возили на волокушах, **на фермы** тоже подвозили’. Данное явление широко распространено в среднечепецком диалекте и спорадически отмечается в кезском говоре верхнечепецкого диалекта [13. С. 75–76; 16. С. 102]. Ассимиляция *й* предшествующими согласными характерна также для средневожосточных

говоров [8. С. 272], бесермянского наречия [39. С. 151], отдельных южных [22. С. 39] и периферийно-южных говоров, в частности, бавлинского [35. С. 122–125], шошминского [36. С. 137], кукморского [23. С. 103–105]. Уподобление *й* предшествующим мягким согласным наблюдается и во многих коми-зырянских [26. С. 38, 39; 12. С. 44–45; 9. С. 38–39; 10. С. 23; 34. С. 28; 32. С. 79; и др.] и коми-пермяцких [5. С. 53] диалектах.

2. Падежная система нижнечепецкого диалекта состоит из 21 формы (в большинстве удмуртских диалектов и в литературном языке 15 падежей). Увеличение числа падежей в диалекте связано с формированием серии вторичных приблизительно-местных падежей с *н'*-евым признаком, возникших в результате трансформации послелогов с основой *дин'*- 'у, около, при, возле'. Примеры-предложения: *л'э н аосн'ын кэма пуким вэрас'кыса*. Сиб. 'У Лены в доме долго мы сидели разговаривая'; *айда-ка л'у б ан'э пыром*. Ом. 'Айда-ка к Любе в дом зайдем'; *бёрыс' пумис'ким ми л'и з айэн мумизн'ыс'эн, турын дас'то вал сойос*. Бер. 'Потом встретились мы с Лизой у ее матери дома, сено заготовливали они'.

В отличие от показателей обычных местных падежей, суффиксы приблизительно-местных падежей обладают своим определенным значением, указывая, как отмечает Т. И. Тепляшина [40. С. 287], на нахождение или действие по отношению к конкретному месту, к конкретному лицу. С. А. Максимов, уточняя высказывание Т. И. Тепляшиной, отмечает, что «они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо и т. д.», и предлагает обозначить данную серию падежей как жилищно-местные падежи [29. С. 194]. Новые падежные форманты употребляются только с определенным кругом существительных: в основном их используют применительно к одушевленным именам, выражающим человека, лицо: *нълъдн'э* 'к твоей дочери (домой)', *пийэзн'эс'* 'от (дома) его сына'. Кроме того, показатели приблизительно-местных падежей имеют тенденцию присоединяться и к некоторым местоимениям, например: *тин'н'ад* 'к вам (домой); к тебе (домой)', *асн'ам* 'ко мне (домой)', *ог-огмън'э* 'друг к другу (домой)' и т. д.

В нижнечепецком диалекте, как показывает анализ собранного языкового материала, из приблизительно-местных падежей чаще всего встречаются формы в инессиве и иллативе, реже – элативе, эгрессиве, пролативе и терминативе. Неодинаковая частотность употребления, с одной стороны, приблизительно инессива и приблизительно иллатива соответственно с формантами *-н'э*, *-н'ын*, и, с другой стороны, приблизительно элатива, приблизительно эгрессива, приблизительно пролатива и приблизительно терминатива соответственно с формантами *-н'ыс'*, *-н'ыс'эн*, *-н'ыт'и*, *-н'оз'* обусловлена различием в частотности выражаемых ими отношений. Низкая функциональная нагрузка пространственных падежей элатив, эгрессив, пролатив, терминатив и аппроксиматив, как отмечает Н. В. Кондратьева [25. С. 128], связана с их семантической структурой, направленной на выражение более частных топологических значений.

Интересно высказывание Р. Бейкера относительно характера функционирования *н'*-евых падежей в севернудмуртских говорах. Обращаясь к материалам

Т. И. Тепляшиной [40. С. 283–292], он задается вопросом: что представляют собой четыре других падежа с показателями *-н'ыс'*, *-н'ыс'эн*, *-н'ыт'и*, *-н'оз'*, зафиксированные Т. И. Тепляшиной в нижнечепецких говорах в дополнение к двум признанным падежным формам с формантами *-н'э*, *-н'ын* – являются ли они реликтовым явлением процесса трансформации послелогов с основой на *дин'* в падежное окончание или функционируют реально? Не имея возможности привлечь дополнительный материал из других удмуртских говоров для разрешения поставленной проблемы и основываясь лишь на имеющихся данных, Р. Бейкер тем не менее считает, что падежные формы на *-н'э* и *-н'ын* (по Р. Бейкеру: аллатив II и абессив II соответственно), возможно, возникли раньше, чем остальные приблизительно-местные падежи с морфологическими показателями *-н'ыс'*, *-н'ыс'эн*, *-н'ыт'и*, *-н'оз'* [42. С. 173–174].

В исследуемом диалекте, как и среднечепецком, параллельно с падежными формами с элементом *н'* в той же функции употребляются конструкции с послелогами с основой на *дор-* 'у, около, возле, при', например: *м а д' в и доры ны рэ, со кал' бакчайаз*. Бер. 'К Матвею в дом заходите, он сейчас в огороде своем'; *окт'абэ взтти мон пийэ доры к и р о вз*. Пас. 'В октябре ездил я к сыну в Киров'. Отметим, что в нижнечепецком диалекте, как и в большинстве удмуртских диалектов и в литературном языке, послелоги с основой на *дор-* могут выражать семантику и обычного приближения (движение по направлению к кому-(чему)-либо), и семантику приближения, связанную с направлением движения в дом (жилище, усадьбу), принадлежащий кому-либо.

Функционирование серии приблизительно-местных падежей присуще в основном северноудмуртским диалектам, но не всем. Ареал их распространения ограничивается нижнечепецкими говорами (слободской, косинский) [38. С. 167; 40. С. 285–286], среднечепецким диалектом и говорами северо-западной части Кезского р-на [29. С. 201; 16. С. 231–232]. В верхнечепецких говорах аналогичные падежные формы отсутствуют: им соответствуют конструкции с послелогами с основой *дин'* 'у, около, возле, при' (*братэ дин'э* 'к своему брату', *братэ диныс'* 'от своего брата').

Помимо северноудмуртских диалектов, приблизительно-местные падежи встречаются также в бесермянском наречии [39. С. 184; 28. С. 72–73]. Наличие локальных падежей с элементом *-н'*, образованных от послелогов с основой на *дын-* / *дин-*, отмечается и в коми-пермяцких диалектах [5. С. 138–140]. Как считает Р. Бейкер, процесс трансформации послелогов и, вследствие этого, образование новых падежных формантов с элементом *-н'*, имеющее место в северноудмуртских и южно-коми-пермяцких говорах, происходили в каждом из этих языков параллельно и независимо друг от друга [42. С. 198]. В отличие от коми-пермяцкого языка, вторичные пространственные падежи северного наречия удмуртского языка имеют особое значение: «движение в жилище, принадлежащее кому-либо».

3. Компаратив имен прилагательных в большинстве удмуртских диалектов выражается с помощью формантов *-гэс* и *-гэм*, семантические различия в употреблении которых в настоящее время не ощущаются. В нижнечепецкой группе говоров, согласно нашим полевым данным, более широкое распространение имеет суффикс *-гэм*, хотя в материалах Т. И. Тепляшиной, зафиксировавшей речь нижнечепецких удмуртов в 1960-е гг., отмечается параллельное употребление

обоих формантов *-гэс* и *-гэм* [37. С. 138–140]. Примеры: *в а л' а эиэ фэрмаын ужаз. со зöггэм мынэс'тым на го·да три*. Ок. 'Моя подруга Валя на ферме работала. Она **старше** меня на года три'; *todmoges kad' ad'ami potiz mǫnǫm* 'Как будто **знакомый** человек показался мне (букв. 'балее знакомый человек')' [37. С. 139]. Отметим, что в верхнечепецком и среднечепецком диалектах функционирует преимущественно суффикс *-гэс*.

В нижнечепецком диалекте сравнительная степень имен прилагательных, помимо суффиксов *-гэс* и *-гэм*, выражается также при помощи компаративного суффикса *-жык*: *умо·йжык* 'более лучше', *трö·зжык* 'больше', *өрö·джык* 'более хуже' Примеры: *мынам аслам но домэ вуж н'и, өрöd. а пийэ улэ у н' иын өрö·джык домын*. Ас. 'У меня и у самого дом старый уже, плохой. А сын мой живет в Унях в **более худшем** доме'; *таис плат'т'э чэбэ·ржык үал'л'олэс'*. Ок. 'Это платье мое **красивее** прежнего'. Следует отметить, что суффикс *-жык* имеет значение увеличения степени и употребляется в прилагательных, характеризующих предмет только по качеству. Данный компаративный суффикс не свойствен среднечепецкому и верхнечепецкому диалектам. Подобный показатель сравнительной степени в различных фонетических вариантах функционирует во всех коми диалектах [5. С. 167; 32. С. 135]

В нижнечепецких говорах, согласно нашим полевым данным и материалам Т. И. Тепляшиной [37. С. 142], формы компаратива с суффиксом *-жык* могут сочетаться с суффиксами *-гэм*, *-гэс*. При этом суффикс *-жык*, как правило, располагается после суффикса *-гэм* или *-гэс* и служит также для усиления значения, выраженного в форме сравнительной степени. Примеры: *курткалы йунгэ·мжык плашка кулэ вал, таиз тан' вэжчи*. Бер. 'Для куртки **более крепкую** пуговицу бы надо, эта вот тонкая'; *мынам то·жэ үан' би·бл'ийэ. со кызгэм талэс'. да л'э·кчэ лыд'д'аны кызгэ·мжык би·бл'ийэз, с'о обйасн'ит' карэмын отын* Ас. 'У меня тоже есть Библия. Она толще этой. Да легче читать **более толстую** Библию, всё объяснено там'.

4. Степень неполноты качества в нижнечепецком диалекте, как и верхнечепецком, в основном передается суффиксами *-мыт* и *-алэс*. Примеры: *пунуэлэн сунэ·дмыт с'ин'н'осыз кал' но с'ин аз'ам*. Пес. '**Коричневатые** глаза моей собаки и сейчас перед глазами моими'; *куз'италэс тайиз сылалтэм губийэ, вуын воз'оно*. Сиб. '**Солоноватые** вот эти соленые грибы, нужно в воде поддержать'.

Модеративные форманты *-пыр* (*-прэс*), *-галэс* (фонетический вариант суффикса *-алэс*), представленные в отдельных говорах среднечепецкого диалекта, в нижнечепецком – не употребляются.

5. В нижнечепецком диалекте, как и в удмуртском диалектном языке в целом, интенсив прилагательного образуется двумя способами: 1) при помощи усилительных слов (или слов-интенсификаторов) и 2) редупликацией основ. Из них наиболее распространен в диалекте первый способ выражения: присоединение к положительной форме прилагательного особых усилительных слов, в частности: *л'экос* (~ *л'окос*) 'весьма, слишком', *йун* 'очень', *проч* (~ *прöч*) 'совсем', *кл'ок* 'очень, слишком', *бэда* 'очень', *дотово* 'слишком, очень, чрезмерно', *страс'* 'очень', *прак* 'очень'. Примеры: *йун килыбаишлы картэ, вычак ко·т'мар быгатэ лэс'тыны*. Ом. '**Очень мастеровой** мой муж, всё что угодно умеет делать'; *война вылын л'экос с'эжыт ужсын мон ужамын*. Сиб. 'Во время войны на **очень тяжелой**

работе я работала'; *адзэм но ук по-ты, вэт' прак вои турун будэ картокам*. Ом. 'Надоело уже, ведь **зеленая-зеленая** трава растет среди картошки'; *кл'ок чэбэр пöрас'эз солэн*. Пас. '**Очень красивая** жена у него'.

Подчеркнем, что вышеотмеченные лексемы своей продуктивностью существенно отличаются друг от друга: самые продуктивные – усилительные слова *йун, л'экос* (~ *л'окос*), *проч*; остальные используются реже, их употребление территориально ограничено.

В говоре д. Сибирь косинского говора интенсификатор *л'экос* (~ *л'окос*) может употребляться также с суффиксом *-гэм*: *л'экозгэм капчи ужэ* 'слишком легкая работа', *л'экозгэм акыл'эс ад'ами* 'слишком надоедливый', *л'экозгэс пöймыт ул'ча* 'слишком темная улица', *л'окозгэм с'эд музйэм* 'слишком черная земля'. Наличие суффикса *-гэс* в морфологической структуре слова-интенсификатора привносит значение бóльшего усиления интенсивности проявления признака, качества.

Различная степень высокого качества в нижнечепецких говорах, как и в других удмуртских диалектах, выражается также конструкциями, состоящими из специфических препозитивов и основной формы прилагательного. При этом интенсивы-препозитивы могут употребляться одиночно или в виде редупликата, выступая в сочетании только с определенными качественными адъективами. Нами зафиксированы примеры на употребление препозитивов в сочетании с прилагательными, обозначающими преимущественно конкретный цветовой признак и изредка – иное качество: *т'о-м(-т'ом) пэймыт* 'темный-темный', *чы-ж выл'* 'совершенно новый', *т'а-п(-т'ан) кот* 'мокрый-мокрый, очень мокрый'; сл. *пы-р(-пыр) кэд'ы* 'белый-белый', кос. *пы-р(-пыр) тэд'и* (~ *тэд'ы* ~ *тöд'ы*) 'белый-белый'; сл. *чи-л'(-чи-л') с'өд* 'черный-черный'; кос. *чи-л'(-чи-л') с'эд* 'черный-черный' и т. д. Пример: *ой, йыр'сийэ пы-р тöд'ы н'и мынам, бэн арэсэ но үан' н'и*. Слуд. 'Ой, волосы **белые-белые** уже у меня, да и возраст у меня уже'.

Высокая степень качества в диалекте может выражаться также редупликацией основы прилагательного: *во-ж-вож бакча* 'зеленый-зеленый огород', *пэймы-т-пэймыт уй* 'очень темная ночь'. Примеры: *пого-да чэбэр улэ, тан' во-ж-вож турун быдэс бакчайам*. Свет. 'Погода хорошая стоит, вот **зеленая-зеленая** трава полностью в огороде моем'; *ми зэ-ч-зэч дывыйос в и т'а й к айэн*. Пес. 'Мы **очень хорошие** подружки с Витяйкой ('с женой Виктора')'. Кроме того, между повторами могут добавляться союзы *да, дак* 'и, да': *вож дак вож турун* 'зеленая-зеленая трава; очень зеленая трава', сл. *кэд'ы дак кэд'ы чүч'кон* 'белый-белый платок', *кузь да кузь (ку-з' да куз')* 'длинный-длинный, самый длинный' [38. С. 170], *зöк да зöк (зö-к да зöк)* 'очень крупный, крупнейший' [38. С. 170]. Отметим, что повтор – один из архаичных способов выражения высокой степени качества – характерен для всех современных финно-угорских языков.

6. В функционировании числительных нижнечепецкий диалект тоже проявляет некоторые особенности. Среди простых числительных фонетическим оформлением отличается числительное *ойик* 'один', возникшее из общеудмуртской формы числительного *одиг*. Пример: *мын'чы ойиг вал мил'ам бабаосын*. Сиз. 'Баня **одна** [общая] была у нас с [семьей] свекровки'; *ойиг братмы вал, со но быриз войнаын бэз вэт'и*. Пас. '**Один** только брат у нас был, и он пропал на войне без вести'. Вариант *ойик* представлен также в бесермянском наречии [39. С. 207; 28. С. 106].

Первична общеудмуртская форма *одиг*, претерпевшая в нижнечепецких говорах и в языке бесермян, по мнению Т. И. Тепляшиной, следующие изменения: под влиянием переднерядного гласного *и* предшествующий согласный *д* в определенный период развития языка смягчился, затем – с течением времени – произошло чередование мягкого согласного *д'* со среднеязычным *й*: *одиг* > *од'иг* > *ойик* [39. С. 207–208].

У числительных *кўин'* 'три' и *кўат'* 'шесть' в косинском говоре есть фонетические варианты *квин'* и *кват'*, довольно редко встречающиеся в речи современных носителей указанного говора. Примеры: *квин'* *ар ужай сад'икын*. Бер. 'Три года я работала в садике'; *кват'* *толыз' чожэлы кошкиз пийэ казан'э ужаны*. Сиб. 'На шесть месяцев уехал сын мой в Казань работать'. В прошлом употребление *в* вместо неслогового *ў* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и* в нижнечепецком ареале, по-видимому, было более широко распространено и охватывало больший круг лексем. В частности, оно отмечалось и в слободском говоре, о чем свидетельствуют материалы Т. И. Тепляшиной [38. С. 171]. Отметим, что аналогичные формы числительного 'шесть' с сочетанием *ква-* (*кват'*, *кwait'*) функционируют во всех коми-зырянских диалектах (в вариантах *кват'*, *кwait'*) [32. С. 150] и коми-пермяцком языке (в варианте *квать*) [5. С. 173].

7. Названия десятков от 40 до 90 в слободском говоре нижнечепецкого диалекта образуются с помощью форманта *-дас/-тас*: *н'ыл'дас* 'сорок', *вит'тас* 'пятьдесят', *кўат'тас* 'шестьдесят', *с'из'ымдас* 'семьдесят', *т'амыстас* 'восемьдесят', *укмыстас* 'девяносто'. Примеры: *пыд'д'осыз кл'ок вис'о бабэлэн, арэскыз но ўан'*, *т'амыстас но кўин'*. ВМоч. 'Ноги очень болят у свекрови, да и возраст у нее, **восемьдесят три** [года]'; *пудо завод'из со. крол'икэз ог н'ыл'дас кал' солэн*. Пес. 'Скотину завела она. Кроликов около **сорока** сейчас у нее'. В косинском говоре, как и в большинстве удмуртских диалектов, подобные числительные образуются от наименований единиц с помощью суффикса *-дон/-тон*.

С помощью форманта *-дас* названия десятков от '70' до '90' образуются практически во всех зырянских диалектах. Помимо этого, в южной группе зырянских диалектов (лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском) встречаются названия десятков '30', '40', '50', '60', тоже оформленных указанным компонентом *-дас* [30. С. 175; 32. С. 151]. Опираясь на данные письменных источников, С. А. Максимов отмечает, что в коми-пермяцком языке формант *-дас* представлен во всех названиях десятков, включая число '20'. Исследователь считает, что коми-пермяцкая система названий десятков вместе с миграционной волной проникла в южные зырянские диалекты, а также в слободской говор удмуртского языка, в котором она не архаична, как полагают некоторые исследователи, а представляет собой суперстратное заимствование, что могло иметь место в XVII в. в результате миграции коми на юг [30. С. 178].

В образовании составных числительных особенность проявляется в том, что в слободском говоре в данной структурной группе от тридцати и выше между десятками и единицами вставляется соединительный союз *но*. Примеры: *н'ыл'дас но кык котыр солы*. Ом. 'Около **сорока двух** [лет] ему'; *мыным вэт'эра-нской т'ро н'ыл' с'у кўат'тас но т'амыс*. Свет. 'Мне «ветеранские» выплачивают **четыре-ста шестьдесят восемь** [рублей]'. Похожие формы зафиксированы в ижемском, печорском и вымском диалектах коми-зырянского языка [6. С. 135;

11. С. 89; 32. С. 151], где в составных числительных от 70 (имеющих также в своей структуре компонент *-дас*) и выше между десятками и единицами, между сотнями и десятками появляется соединительный союз *да*.

8. Аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч. в нижнечепецких говорах в основном выражается формантом *-эс*: *мил'эмэс / мл'эмэс* 'нас', *тил'эдэс / тл'эдэс* 'вас'. Примеры: *бэрог дурыс'эн мил'эмэс адзиз пэнэс'мы* Свет. 'У берега нас увидел наш дед'; *слалтыны кон'ыгубийээ мил'эмэс мумымы дышэтиз*. Бер. 'Солить рыжики нас мама научила'; *вычак со вэра тл'эдэс*. Сиб. 'Постоянно он вспоминает ('говорит') вас'. Показатель *-эс* нижнечепецких говоров возник из аккузативного показателя *-ыз*, характерного для южноудмуртских диалектов: в силу ассимилятивных процессов гласный *ы* показателя аккузатива *-ыз* уподобляется предшествующему гласному *э*, в результате чего имеем *-эс*: *мил'эмэс < мил'эмыз* 'нас', *тил'эдэс < тил'эдыз* 'вас'. В говоре д. Березник косинского говора, наряду с суффиксом *-эс*, sporadически используется аккузативный показатель *-эсты*, представляющий собой контаминацию показателей аккузатива *-ыз* (суффикс, свойственный южным диалектам) и *-ты* (суффикс, характерный для северных диалектов): *мил'эмэсть < мил'эмэз + ть* 'нас'; *тил'эдэсть < тил'эдэз + ть* 'вас'. Пример: *мил'эмэсты, ныл'л'осты, кэл'а:зы након'э-ц-то куйн' нуналлы кан'и:кулэ*. Бер. 'Нас, девушек, отпустили наконец-то на три дня на каникулы'. Рассматриваемый формант *-эсты* функционирует также в среднечепецком диалекте [14. С. 71], аналогично также – в удорском диалекте коми-зырянского языка [32. С. 162]. В говоре дд. Поля, Городище косинского говора в единичных случаях нами зафиксирована также любопытная форма аккузатива *мил'эмйость*, где стандартный северноудмуртский суффикс *-ты* осложнен суффиксом мн. ч. *-йос*; кроме того, она обнаружена в юкаменском говоре среднечепецкого диалекта [15. С. 33–34]. Подобный способ образования аккузативных форм встречается и в коми-зырянских диалектах [41. С. 63].

9. В образовании форм инструментала от личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. ч. нижнечепецкий диалект проявляет некоторую особенность в сравнении с другими удмуртскими диалектами. В говорах южной диалектной зоны и в отдельных срединных говорах данная падежная форма как правило образуется присоединением к основе номинатива стандартного суффикса *-эн*: *монэн* 'со мной', *тонэн* 'с тобой'. В отличие от этого, в рассматриваемом диалекте, как и большинстве северноудмуртских диалектов, падежный показатель осложняется притяжательным суффиксом: *монэным* '(со) мною', *тонэныд* '(с) тобою'. Примеры: *тонэныд вэрас'кыса-вэрас'кыса, тан' нырылыны мэтско н'и*. Пес. 'Долго беседа с тобой, вот уже начала я дремать'; *огн'ам уг у:лыс'кы, монэным внуц'кайэ улэ*. Ас. 'Я одна не живу, со мной внучка живет'. Отметим, что в говоре д. Сибирь косинского говора, наряду с расширенным вариантом, sporadически отмечается и неосложненная форма инструментала: *монэн, тонэн*. Примеры: *зökэз нылыз, инвал'итка со, монэн улэ*. Сиб. 'Старшая ее дочь, инвалид она, со мной живет'; *мыным картыш жэутоно, тонэн вэрас'кыны врэмэйэ öвöл*. Сиб. 'Мне нужно картошку окучивать, с тобой общаться времени нет'.

Соответствующие расширенные формы местоимений *мон* 'я', *тон* 'ты' в инструментале функционируют также в соседствующем бесермянском наречии [39. С. 183] и в отдельных средневосточных говорах удмуртского языка.

10. Инструментальные формы мн. ч. от личных местоимений 1-го и 2-го лица в нижнечепецком диалекте представлены формами *мил'эмэн / мл'эмэн* 'с нами', *тил'эдэн / тл'эдэн* 'с вами'. Примеры: *а кал' чик уг н'и кылыцко пинал'л'ос. мил'эмэн соослы н'эин'т'эрэ·сно, ви·дно, тэл'эви·зор да тэл'ифон соослэн мэд луоз.* НМоч. 'А сейчас совсем не слушаются дети. **С нами** им неинтересно, видно, чтоб телевизор да телефон у них был'; *нэпэс'мы корка пуктиз казарма кад'. кал' мил'эмэн со улэ.* Свет. 'Наш дедушка дом построил [большой], как казарма. Сейчас **с нами** он живет'. Отметим, что в материалах Т. И. Тепляшиной по нижнечепецким говорам представлена форма *миленым (мил'эным)* [38. С. 175]. Примеры ее употребления в речи современных нижнечепецких удмуртов нами не зафиксированы.

В говорах среднечепецкого диалекта наиболее стабильные формы – *мил'эмын / милэмэн, тил'эдын / тил'эдэн*. Для верхнечепецкого диалекта характерны формы *мил'эным / мил'энымы, тил'эныд / тил'эныды*. Среднечепецкий и нижнечепецкий показатель *-эн* в формах *мил'эмэн, тил'эдэн, мл'эмэн, тл'эдэн* возник в результате ассимилятивного явления, когда гласный *ы* показателя инструменталя *-ын* уподобляется предшествующему гласному *э*: *мил'эмэн < мил'эмын, тил'эдэн < тил'эдын*. Верхнечепецкие формы *мил'эным / мил'энымы, тил'эныд / тил'эныды* отличаются от соответствующих форм преобладающего большинства удмуртских диалектов (*мил'эмын* 'с нами', *тил'эдын* 'с вами') иным расположением компонентов показателя инструменталя: если в последних он представлен комбинацией лично-притяжательного суффикса мн. ч. и падежного показателя, то в верхнечепецких говорах эти составляющие выступают в иной последовательности – падежный показатель *-эн* плюс лично-притяжательный суффикс ед. или мн. ч. *-м (-мы), -д (-ды)*.

Подобные соответствия образования инструментальных форм с помощью лично-притяжательных суффиксов имеют место в бесермянском наречии [39. С. 185], а также в удорских и ижемских коми диалектах [41. С. 65].

11. Формы ед. ч. усилительно-личных местоимений в нижнечепецком диалекте представлены вариативно: *ачим / ачым* 'я сам', *ачид / ачыд* 'ты сам', *ачиз / ачыз* 'он(а) сам(а)'. Примеры: *старикэ ачиз ёз лэ·з'ы картош копаны.* Бер. 'Муж мой **сам** не разрешил картошку копать'; *мон ачым мэтско вал дышэтскыны инст'итутын.* Ок. '**Я сама** собиралась учиться в институте'. Наши материалы показывают, что в диалекте более широко распространена *и*-овая огласовка форм данных местоимений. Употребление *ы*-овых форм в единичных случаях нами отмечено лишь в речи представителей пожилого возраста. Формы местоимений *ачым, ачыд, ачыз* бытуют также в бесермянском наречии [39. С. 183; 28. С. 93] и территориально отдаленном кукморском говоре. Широко представлены эти формы и в коми диалектах [32. С. 165]. По мнению исследователей [33. С. 201; 43. С. 236], первичны по происхождению формы *ачым, ачыд, ачыз*, восходящие к прапермскому периоду. Таким образом, из удмуртских диалектов только нижнечепецкие говоры, бесермянский и кукморский диалекты сохраняют архаичные формы указанных местоимений.

12. В нижнечепецких говорах номинативные формы мн. ч. усилительно-личных местоимений функционируют в следующих вариантах: *ачимэс / ачымэс*

‘мы сами’, *ачидэс / ачыдэс* ‘вы сами’, *ачизэс / ачызэс* ‘они сами’. Примеры: *ачидэс ты рэ, кэн'а кулэ салатэс*. Бер. ‘**Вы сами** накладывайте, сколько нужно салата’; *тил'эдэс корка ум э тис'кэ, гужэмзэ ачымэс но л'э тн'эй коркан улыс'ком*. Ок. ‘Вас в дом не приглашаем, летом **мы сами** тоже больше в летнем доме живем’. Формы *ачимэс, ачидэс, ачизэс* широко распространены также в среднечепецком диалекте [17. С. 51]. Нижнечепецкие местоимения *ачымэс, ачыдэс, ачызэс* образованы присоединением к формам местоимений *ачымэ, ачыдэ, ачызэ* (здесь элементы *-мэ, -тэ, -сэ* представляют собой варианты притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица мн. ч.) показателя мн. ч. *-ос*. В результате выпадения гласного *о* показателя мн. ч. имеем стяженные формы: *ачымэс < ачымэ+ос, ачыдэс < ачыдэ+ос, ачызэс < ачызэ+ос*. Аналогичным образом возникли среднечепецкие формы *ачимэс, ачидэс, ачизэс*: *ачимэс < ачимэ+ос, ачидэс < ачидэ+ос, ачизэс < ачизэ+ос*.

13. В речи носителей нижнечепецкого диалекта для усиления кратности суффикс многократного вида *-л'л'а-* может редуцироваться, например: *вэрал'л'ал'л'ань* ‘говорить (неоднократно)’, *гожйал'л'ал'л'ань* ‘писать (неоднократно)’. Примеры: *йэрмол'эн шыдыса вэтлылыли:зы, кырз'ал'л'ал'л'а:зы, эктылыли:зы ка:ждой домын*. Бур. ‘На гармошке играя ходили (неоднократно), **пели (неоднократно)**, плясали в каждом доме’; *пэпэс'э вэрал'л'ал'л'аз вал шыдон'н'э г ы р д о рэ вэттэмзэ*. Крас. ‘Дедушка мой **рассказывал (неоднократно)**, как ходил на игрища в Светозарево’. Различие в употреблении в вышеуказанных диалектах двух суффиксов проявляется, на наш взгляд, в том, что глаголы с суффиксом *-л'л'ал'л'а-* показывают действие, совершающееся неоднократно и непостоянно (с перерывами), а с суффиксом *-л'л'а-* выражают действие, происходящее многократно и постоянно. Аналогичное явление широко распространено в среднечепецком диалекте. Таким образом, в среднечепецких и нижнечепецких говорах наблюдается разграничение значений видов глагола за счет употребления одного и того же суффикса: в одном случае с одним *-л'л'а-*, в другом с двойным *-л'л'а-*. В верхнечепецких говорах подобное явление не наблюдаются, за исключением северо-западного куста кезского говора, граничащего со среднечепецкими говорами.

14. В образовании деепричастий с временным значением в нижнечепецких говорах функционирует суффикс *-кы*, представляющий собой более древнюю форму и характерный также для южноудмуртских, части срединных говоров и бесермянского наречия: *пыласькыкы* ‘во время купания’, *аракы* ‘во время жатвы’. Примеры: *по:чтаин ужакым, ка:ждой нунал ч у г айэ вэтлыс'ко вал*. Сиб. ‘Когда работала (**работая**) на почте, каждый день ходила в Чугай’; *йэрмол'эн шыдыкы, эктыли:зы ка:ждой домын*. Ом. ‘**Когда играли** на гармошке, плясали в каждом доме’. В верхнечепецком и среднечепецком диалектах в указанной функции употребляется суффикс *-ку* как единственно возможный. По мнению исследователей [7. С. 70; 31. С. 70; 33. С. 302; 24. С. 114], морфема *-ку* по происхождению вторична: возникла из формы на *-кы*, но не на основе фонетических законов, а по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ку?* ‘когда’.

15. Широко распространенный в удмуртских диалектах деепричастный суффикс *-тоз'* в нижнечепецком диалекте употребляется в варианте *-ччоз'*. Примеры: *уммэз тырыччоз', со пис'ай кыл'л'э*. Сиз. ‘До тех пор **пока не выпится**,

эта кошка лежит'; пэн'з'ийэ **потьчоз'аз**, ужакыз, со өз йу·ылы. Ок. 'До выхода на пенсию, когда работал, он не пил'. Отметим, что в материалах Т. И. Тепляшиной этот суффикс представлен в варианте *-чозь*: *зорычозь* 'во время дождя; пока идет дождь'; *вераськычозь* 'в процессе разговора' [38. С. 182]. Алломорф *-ччоз'* активно функционирует также в среднечепецком диалекте. Для верхнечепецких говоров характерно употребление вариативных суффиксов *-ччоож* и *-тоз'*. Суффикс *-ччоож* распространен в кезском говоре и северной части дебесского говора. В остальной части дебесского говора отмечается параллельное употребление обоих суффиксов *-ччоож* и *-тоз'* [21. С. 220]. Что касается происхождения показателя *-ччоз'*, то этот суффикс, по мнению В. К. Кельмакова [23. С. 158], возник в результате контаминации суффиксов *-тоз'* и *-ччоож* (*-ччоож*).

Таковы основные отличительные явления нижнечепецкого диалекта в области морфологии. Сопоставление указанных черт с языковыми особенностями других, территориально близких, севернoudмуртских диалектов (среднечепецкого и верхнечепецкого) демонстрирует наибольшее сходство языка нижнечепецких удмуртов со среднечепецким диалектом. Наличие в нижнечепецких и среднечепецких говорах тех общих черт, которые не находят отражения в верхнечепецких говорах, в определенной степени связано с миграционными процессами. Общность некоторых явлений может быть также вызвана взаимовлиянием этих диалектов.

СОКРАЩЕНИЯ

а) удмуртских диалектов: вч. – верхнечепецкий диалект (верхнечепецкие говоры) северного наречия, кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта, сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта, сч. – среднечепецкий диалект (среднечепецкие говоры) северного наречия;

б) названий населенных пунктов:

слободской говор: Бур. – д. Бурино, ВМоч. – д. Верхнее Мочагино, Крас. – д. Красногорье, НМоч. – д. Нижнее Мочагино, Ом. – д. Омсино, Пас. – д. Паскино, Пес. – д. Пески, Сиз. – д. Сизево, Свет. – д. Светозарево;

уинский говор: Ас. – д. Астрахань, Бер. – д. Березник, Ок. – пос. Октябрьский, Сиб. – д. Сибирь, Слуд. – д. Слудка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г. А.* К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 84–92.
2. *Архипов Г. А.* О формах субъективной оценки личных имен в говоре слободских удмуртов // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 162–168.
3. *Архипов Г. А.* Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Ижевск, 1990. С. 3–13.
4. *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсугурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
5. *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

6. Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
7. Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.
8. Бушмакин С. К. Ассимиляция в средневосточных говорах удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1968. IV (4). С. 269–283.
9. Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
10. Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 271 с.
11. Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998. 440 с.
12. Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971. 276 с.
13. Карпова Л. [Л.] Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
14. Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
15. Карпова Л. Л. Личные местоимения в северных диалектах удмуртского языка // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 44. № 17 (198). С. 32–39.
16. Карпова Л. Л. Кезские говоры в системе северноудмуртских диалектов // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2011. С. 97–106.
17. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
18. Карпова Л. Л. О фонетических особенностях нижнечепецких говоров удмуртского языка // Коми-пермяцкий язык и культура: Прошлое, настоящее, будущее. Пермь, 2015. С. 43–48.
19. Карпова Л. Л. Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2016. Т. 6. Вып. 2. С. 17–36.
20. Карпова Л. Л. Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Ижевск, 2016. Вып. 3. С. 107–114.
21. Карпова Л. Л. Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка // *Linguistica Uralica*. 2016. LI (3). С. 209–227.
22. Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
23. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Удм. Изд-во, 1998. 386 с.
24. Кельмаков В. К. Морфологические различия в удмуртских диалектах и их типы // *Linguistica Uralica*. 1998. XXXIV (2). С. 106–120.
25. Кондратьева Н. В. Элатив в системе пространственных падежей современного удмуртского языка // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2011. С. 129–134.
26. Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
27. Люкина Н. М. Некоторые особенности говора слободских удмуртов // Актуальные проблемы изучения литературы и языка в вузе и школе: Четвертые Татаринцевские чтения. Глазов, 2008. С. 152–154.
28. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016. 200 с.

29. Максимов С. А. О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. Ч. 2: Языкознание. Фольклор и краеведение. С. 193–208.
30. Максимов С. А. Формирование системы счета и функционирование числительных в пермских языках на современном этапе // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum 9.–14.08.2010. Piliscsaba, 2011. Pars VI. Dissertationes symposiorum ad linguisticam. С. 175–181.
31. Перевоицков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959. 328 с.
32. Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.
33. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.
34. Сорвачева А. А. Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978. 228 с.
35. Тараканов И. В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (На материале бавлинского диалекта) // Труды. Таллинн: Эст. гос. изд-во, 1960. Т. 8. С. 117–153.
36. Тепляшина Т. И. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды / Мар. НИИ яз., лит., истории. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. Вып. 15: Вопросы языка, литературы и фольклора. С. 125–139.
37. Тепляшина Т. И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР, Ин-т языкознания, Петрозавод. ин-т ЯЛИИ. М.; Л.: Наука, 1964. С. 136–145.
38. Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северно-удмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.
39. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
40. Тепляшина Т. И. О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27. VIII. 1980. Turku, 1981. Pars VI : Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. С. 285–292.
41. Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург, 2008. 428 с.
42. Baker R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985. 266 p.
43. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005. 405 s.

REFERENCES

1. Arkhipov G. A. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка [On the study of lexical features of the Slobodskoy subdialect of the Udmurt language]. *Permistika [1]: Voprosy dialektologii i istorii permskikh yazykov*. [Permistika [1]: Issues of dialectology and history of Permian languages]. Izhevsk, 1987, pp. 84–92. In Russian.
2. Arkhipov G. A. О формах субъективной оценки личных имен в говоре слободских удмуртов [On the forms of subjective evaluation of personal names in the subdialect of Slobodskoy Udmurts]. *Voprosy finno-ugorskoj onomastiki* [Issues of Finno-Ugric onomastics]. Izhevsk, 1989, pp. 162–168. In Russian.
3. Arkhipov G. A. Derivatsionnye affiksy imen v slobodskom govore udмуртского языка [Derivational affixes of names in the Slobodskoy subdialect of the Udmurt language]. *Voprosy*

dialektologii i leksikologii udmurtskogo yazyka [Issues of dialectology and lexicology of the Udmurt language]. Izhevsk, 1990, pp. 3–13. In Russian.

4. **Atamanov M. G.** *Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyurt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 216 p. In Russian.

5. **Batalova R. M.** *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. In Russian.

6. **Batalova R. M.** *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal researches on the Eastern Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 168 p. In Russian.

7. **Bubrikh D. V.** *Istoricheskaya fonetika udmurtskogo yazyka (sravnitel'no s komi yazykom)* [Historical phonetics of the Udmurt language (compared to the Komi language)]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1948. 112 p. In Russian.

8. **Bushmakin S. K.** Assimilyatsiya v srednevostochnykh govorakh udmurtskogo yazyka [Assimilation in the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric studies], 1968, IV (4), pp. 269–283. In Russian.

9. **Zhilina T. I.** *Verkhnesysol'skiy dialekt komi yazyka* [The Upper Sysola dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 268 p. In Russian.

10. **Zhilina T. I.** *Luzsko-letskiy dialekt komi yazyka* [The Luza-Letka dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 271 p. In Russian.

11. **Zhilina T. I.** *Vymskiy dialekt komi yazyka* [The Vym dialect of the Komi language]. Syktyvkar, 1998. 440 p. In Russian.

12. **Zhilina T. I., Baraksanov G. G.** *Prisyktyvkarskiy dialekt i komi literaturnyy yazyk* [The Prisyktyvkar dialect and the Komi standard language]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 276 p. In Russian.

13. **Karpova L. [L.]** *Fonetika i morfologiya srednechepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997. 224 p. In Russian.

14. **Karpova L. L.** *Srednechepetskiy dialekt udmurtskogo yazyka. Obraztsy rechi* [The Middle Chepts dialect of the Udmurt language. Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. In Russian.

15. **Karpova L. L.** Lichnye mestoimeniya v severnykh dialektakh udmurtskogo yazyka [Personal pronouns in the Northern dialects of the Udmurt language]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Filologiya. Iskuststvedenie* [The Bulletin of Chelyabinsk state university. Philology. Art History]. 2010, Issue 44, № 17 (198), pp. 32–39. In Russian.

16. **Karpova L. L.** Kezskie govory v sisteme severnoudmurtskikh dialektov [Kez subdialects in the system of the Northern Udmurt dialects]. *Dinamika struktur finno-ugorskikh yazykov* [Dynamics in the structures of the Finno-Ugric languages]. Syktyvkar: OOO «Izd-vo «Kola» Publ., 2011, pp. 97–106. In Russian.

17. **Karpova L. L.** *Leksika severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: srednechepetskiy dialekt* [The lexicon of the Northern dialect of the Udmurt language: the Middle Chepts dialect]. Izhevsk, 2013. 600 p. In Russian.

18. **Karpova L. L.** O foneticheskikh osobennostyakh nizhnechepetskikh govorov udmurtskogo yazyka [On the phonetic peculiarities in the Lower Chepts subdialects of the Udmurt language]. *Komi-permyatskiy yazyk i kul'tura: Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Komi-Permyak language and culture: Past, present, future]. Perm, 2015, pp. 43–48. In Russian.

19. **Karpova L. L.** Nekotorye osobennosti foneticheskoy sintagmatiki v nizhnechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka [Some peculiarities of phonetic syntagmatics in the Lower Chepts dialect of the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2016, Vol. 6, Issue 2, pp. 17–36. In Russian.

20. **Karpova L. L.** Morfologicheskie osobennosti imeni sushchestvitel'nogo nizhnepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka [Morphological features of the noun in the Lower Chepsta dialect of the Udmurt language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [The Bulletin of Udmurt university. History and philology]. 2016, Issue 3, pp. 107–114. In Russian.

21. **Karpova L. L.** Morfologicheskie razlichiya v severnykh dialektakh udmurtskogo yazyka [Morphological differences in the Northern dialects of the Udmurt language]. *Linguistica Uralica*. 2016, LII (3), pp. 209–227. In Russian.

22. **Kel'makov V. K.** Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurt'skogo narechiya. 1 [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect] *Voprosy udmurtskoy dialektologii* [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977, pp. 26–61. In Russian.

23. **Kel'makov V. K.** *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Izd-vo Publ., 1998. 386 p. In Russian.

24. **Kel'makov V. K.** Morfologicheskie razlichiya v udmurtskikh dialektakh i ikh tipy [Morphological differences in Udmurt dialects and their types]. *Linguistica Uralica*. 1998, XXXIV (2), pp. 106–120. In Russian.

25. **Kondrat'eva N. V.** Elativ v sisteme prostranstvennykh padezhey sovremennogo udmurtskogo yazyka [Elative in the system of spatial cases in the contemporary Udmurt language]. *Dinamika struktur finno-ugorskikh yazykov* [Dynamics in the structures of the Finno-Ugric languages]. Syktyvkar: OOO «Izd-vo «Kola» Publ., 2011, pp. 129–134. In Russian.

26. **Lytkin V. I.** *Komi-yaz'vinskiy dialekt* [The Komi-Yazva dialect]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1961. 228 p. In Russian.

27. **Lyukina N. M.** Nekotorye osobennosti govora slobodskikh udmurtov [Some features in the subdialect of the Slobodskoy Udmurts]. *Aktual'nye problemy izucheniya literatury i yazyka v vuze i shkole: Chetvertye Tatarintsevskie chteniya* [Current issues of studying literature and language in higher educational institution and school: The fourth Tatarintsev scientific conference]. Glazov, 2008, pp. 152–154. In Russian.

28. **Lyukina N. M.** *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features in the language of the Lekma and Yunda Besermians]. Izhevsk, 2016. 200 p. In Russian.

29. **Maksimov S. A.** O vtorichnykh prostranstvennykh padezhakh v udmurtskom yazyke [On the secondary spatial cases in the Udmurt language]. *Problemy udmurtskoy i finno-ugorskoy filologii* [Issues of Udmurt and Finno-Ugric philology]. Izhevsk: Udmurt university Publ., 1999, Part 2. pp. 193–208. In Russian.

30. **Maksimov S. A.** Formirovanie sistemy scheta i funktsionirovanie chislitel'nykh v permskikh yazykakh na sovremennom etape [The development of the counting system and functioning of the numerals in the contemporary Permic languages]. *Congressus XI Internacjonalis Fenno-Ugristarum 9.–14.08.2010*. Piliscsaba, 2011, Part VI. pp. 175–181. In Russian.

31. **Perevoshchikov P. N.** *Deeprichastiya i deeprichastnye konstruksii v udmurtskom yazyke* [Verbal adverbs and verbal adverb phrases in the Udmurt language]. Izhevsk, 1959. 328 p. In Russian.

32. **Popova R. P., Sazhina S. A.** *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the research)]. Syktyvkar: Syktyvkar state university Publ., 2014. 272 p. In Russian.

33. **Serebrennikov B. A.** *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permic languages]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publ., 1963. 392 p. In Russian.

34. **Sorvacheva A. A.** *Nizhnevychegodskiy dialekt komi yazyka* [The Lower Vychegda dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 228 p. In Russian.

35. **Tarakanov I. V.** Nekotorye yavleniya assimilyatsii, elizii i vstavki zvukov v udmurtskom yazyke (Na materiale bavlinskogo dialekta) [Some phenomena of assimilation, elision and anaptyxis in the Udmurt language]. *Trudy* [Proceedings]. Tallinn: Est. gos. izd-vo Publ., 1960, Vol. 8, pp. 117–153. In Russian.

36. **Teplyashina T. I.** Iz nablyudeniya nad foneticheskimi osobennostyami shoshmingskogo dialekta udmurtskogo yazyka [From observations on phonetic features of the Shoshma dialect of the Udmurt language]. *Trudy* [Proceedings]. Yoshkar-Ola: Map. kn. izd-vo Publ., 1961, Issue 15, pp. 125–139. In Russian.

37. **Teplyashina T. I.** O suffiksakh sravnitel'noy stepeni v severo-zapadnykh udmurtskikh dialektakh [On suffixes of the comparatives in the North Western Udmurt dialects]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaneya: Grammatika i leksikologiya* [Issues of the Finno-Ugric linguistics: Grammar and lexicology]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964, pp. 136–145. In Russian.

38. **Teplyashina T. I.** Nizhne-chepetskie govory severno-udmurtskogo narechiya [The Lower Cheptsasubdialects of the Northern Udmurt dialect]. *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1970, Issue 21, Philology, pp. 156–196. In Russian.

39. **Teplyashina T. I.** *Yazyk besermyan* [The Besermyan language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. In Russian.

40. **Teplyashina T. I.** O novykh udmurtskikh padezhakh [On new Udmurt cases]. *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27. VIII. 1980.* Turku, 1981, Part 6, pp. 285–292. In Russian.

41. **Fedyuneva G. V.** *Pervichnye mestoimeniya v permskikh yazykakh* [Primary pronouns in the Permic languages]. Ekaterinburg, 2008. 428 p. In Russian.

42. **Baker R.** The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985. 266 p.

43. **Csúcs S.** Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005. 405 s.

Поступила в редакцию 19.01.2017

L. L. Karpova

Morphological Markers of the Lower Cheptsasubdialect of the Udmurt Language

The paper considers the specificity of the Lower Cheptsasubdialect which developed isolatedly from the basic area of distribution of the Udmurt dialects. Revealing the basis and the place of the analyzed regional language form among the Northern dialects of the Udmurt language is a topical issue of the Udmurt dialectology. The paper aims to analyze morphological markers of the Lower Cheptsasubdialect. Particular attention is paid to distinctive features reflecting differences between the studied dialect and other Northern Udmurt subdialects. The author focuses on peculiarities of forming plurals of the noun, for example, the use of plural markers *-os* and *-jos* which are differently used in the Lower Cheptsasubdialects, and demonstrates differences in the number of cases. The researcher also analyzes characteristic features of functioning of some derivative locative cases with *-n'*- marker. Specifics of the Lower Cheptsasubdialect are observed in the comparative and intensive adjective forms. The paper highlights peculiarities of

some categories of pronouns that are mostly traced in the word inflection and provides detailed analyses of some specific features of the numerals and verbs. Considerable attention is paid to formal morphological differences. Language phenomena of the Lower Cheptsa subdialects are sequentially compared to analogous phenomena in the Northern Udmurt dialects and other subdialects. The obtained results show that according to main morphological peculiarities the Lower Cheptsa dialect is more similar to the Middle Cheptsa subdialects of the Northern Udmurt dialect. The research is based on the materials collected by the author during several expeditions to the Lower Cheptsa Udmurts from 2014 to 2015.

Keywords: Udmurt language, dialectal morphology, Northern dialects, Lower Cheptsa dialect, markers of morphological categories, dialectal variation.

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор философии по специальности «Уральские языки»,
старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: karpovalud@rambler.ru

KarповаLudmilaLeonidovna,
PhD: Uralic languages, Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: karpovalud@rambler.ru